

ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЛГАРИИ ИЗ ПОД ВИЗАНТИЙСКОГО ИГА

А. П. Каждан

В ближайшее время в Болгарии будет отмечаться двойной юбилей — 1300-летие ее государственного существования и 100-летие освобождения от османского ига и возрождения национальной государственности в результате русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Но болгарам и ранее доводилось в напряженной борьбе восстанавливать свою независимость. Это случилось в конце XII в., после длительных военных и дипломатических столкновений с Византией, причем перипетии, хронология и самая последовательность этих событий наукой пока что недостаточно исследованы.

О начале восстания в Болгарии византийский писатель Никита Хониат, современник событий, рассказывает следующее. Как только был заключен мир с «восточными народами» (речь идет о турках-сельджуках), император Исаак II Ангел (1185—1195 гг.) пожелал взять себе в жены иноземку (его первая жена умерла). Были отправлены послы к венгерскому королю Беле III (1172—1196 гг.) и достигнуто соглашение о брачном союзе Исаака с Маргаритой, дочерью Беле, которой не исполнилось еще 10 лет. Исаак собирался торжественно отпраздновать свадьбу и с этой целью обложил специальными поборами г. Анхиал и сопредельные с ним города, вызвав, по словам Хониата, недовольство «варваров», обитавших в горах Балканского хребта. Уповая на труднодоступность местности и на многочисленные крепости, расположенные высоко в горах, они подняли мятеж. Инициаторами выступления Хониат называет Петра и Асеня, родных братьев. Незадолго до того они явились в царский лагерь в Кипселах с просьбой, чтобы их, подобно ромеям, приняли в ряды войска и чтобы им было пожаловано некое «малодеходное селение», расположенное в горах. Однако братьям было отказано в просьбе, а ответом на их настояния явились брань и даже побои. Оскорбленные и возмущенные, Петр и Асень возвратились домой¹.

Другое свидетельство о начале восстания в Болгарии принадлежит византийскому историку Георгию Акрополиту (середина XIII в.). И он повествует о том, что для свадьбы Исаака II собирали со всей Ромейской державы овец, свиней и волов и что с Болгарии, которая славилась своим скотом, их требовали в первую очередь. Болгария, продолжает Акрополит, всегда была враждебна византийцам, а теперь она подняла бунт. «Некто по имени Асень восстал и воцарился над страной, подчинив себе всю Гемскую область до Дуная»².

Таковы скудные известия о начале болгарского восстания. Свидетельства других авторов не имеют самостоятельной ценности: они лишь пересказывали Хониата и Акрополита (например, хронист XIII в., известный под именем Феодора Скутариота). Однако сведения Хониата и Акрополита не только кратки, но и местами неясны. Они порождают три вопроса: что послужило причиной и поводом к восстанию? Кто составлял движущую силу восстания? Когда восстание началось?

По распространенному в научной литературе суждению, Петр и Асень явились в Кипселы просить о наделении их пронией, то есть особой формой владения³. Суждение это, впрочем, не может быть обосновано никаким текстом: все, что мы знаем об этом событии, — слова Хониата о просьбе братьев пожаловать им малодеходное селение и зачислить их в армию. Впрочем, для нас существен не юридический статус пожалования, которое к тому же так и не состоялось, а во-пер-

¹ Nicetas Choniates. Historia. Bonnae. 1835, pp. 481—483.

² Georgios Acropolites. Opera. Vol. I. Lipsiae. 1903, p. 18.

³ G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles. 1954, p. 53 sq.

вых, те причины, по которым братья могли рассчитывать на успех своей просьбы, и, во-вторых, почему им было отказано. Хониат выдвигает версию, только запутывающую причинную связь событий. Он полагает, что Петр и Асень искали повода, чтобы поднять мятеж, и потому вели себя в Кипселах вызывающе и дерзко. Искусственность этой версии бросается в глаза: возмущенные несправедливыми поборами «варвары» Гема и без того уже были готовы восстать против Византии, так что отказ, полученный братьями, вряд ли должен был существенно повлиять на ситуацию.

Что же могло быть на самом деле? Сознавая всю гипотетичность нашего предположения, осмелимся все-таки его высказать. Болгария была покорена византийцами в 1018 году. Болгарские земли были включены в состав Византийского государства, обложены налогами и поставлены под контроль византийских наместников. Наступил период, который в болгарской историографии получил название «византийского ига» и который знаменовал нарастающее византийское влияние в сфере экономики и культуры, что угрожало болгарам потерей собственного языка и этнической самобытности. Но, несмотря на интенсивное проникновение в болгарские земли византийских товаров и монеты, несмотря на унифицирующее влияние христианской идеологии и античных культурных традиций, несмотря на политический гнет, болгары на протяжении XI—XII вв. сохранили славянский язык, этническое самосознание, историческую память⁴. На протяжении XI столетия болгары не раз поднимали восстания, пытаясь сбросить иноземную власть. В XII в. подобных движений было гораздо меньше: по-видимому, сказывалась общая стабилизация Византийской империи, наступившая после того, как Алексею I Комнину (1081—1118 гг.) удалось справиться с турецкой опасностью, и когда подъем городов по всей стране (в том числе и в болгарских областях) ознаменовал улучшение экономической конъюнктуры, затронувшее широкие слои населения.

Болгарская аристократия во время народных выступлений XI в. играла, как правило, двусмысленную, а порой предательскую роль. В какой-то степени это объясняется тем, что после покорения страны господствующая верхушка болгар получила доступ в ряды византийской знати, земельные владения в Малой Азии, чины и должности. Браки связали болгарских аристократов с виднейшими византийскими фамилиями, и даже основатель царствующего дома Комнинов происходил (по женской линии) от потомков последнего болгарского царя Ивана-Владислава. Так было в XI столетии. С установлением правления династии Комнинов положение изменилось: Комнины опирались преимущественно на выходцев из Малой Азии, на феодальную аристократию малоазиатского происхождения, тогда как обитатели придунайских областей постепенно оттеснялись не только от участия в управлении страной, но и от военной службы. Лишь Андроник I (1183—1185 гг.) сделал попытку вернуться к порядкам, существовавшим в XI в.: при нем в армии имелись особые болгарские контингенты, личная гвардия царя была сформирована, по всей видимости, из болгар и влахов, и, по свидетельству Евстафия Солунского, современника Андроника, даже зять царя Роман происходил с берегов Дуная⁵.

В свете этих событий просьба Петра и Асена перестает казаться случайным эпизодом, каким ее изобразил Никита Хониат. По-видимому, братья были не единственными выходцами из дунайских провинций, которые стремились в ту пору поступить в византийскую армию и получить за это земельные пожалования. Но Петр и Асень опоздали: в сентябре 1185 г. в Константинополе произошел переворот, стоивший Андронику жизни. Коронован был Исаак II Ангел. Новый император, пришедший к власти на гребне переворота, не желал (во всяком случае, в первое время, потом он был вынужден капитулировать) поддерживать традиции своего предшественника. Отказ дать Петру и Асеню жалованную грамоту и принять их наравне с ромейским «рыцарством» на военную службу был не простой случайностью, вызванной недомыслием или грубостью окружения Исаака. Он явился результатом изменения поли-

⁴ См. Д. Ангелов. *Образуване на българската народност*. София. 1971, стр. 351—378.

⁵ Eustazio di Tessalonica. *La espugnazione di Tessalonica*. Palermo. 1961, pp. 64, 120.

тики Византии по отношению к болгарской знати. Отказ, полученный Петром и Асе-нем,— звено в общей тенденции нового византийского правительства, и именно поэто-му он мог вызвать широкий резонанс. Таким образом, восстанию предшествовало введение особых поборов под предлогом свадебного торжества и ухудшение отноше-ния византийских властей к болгарской знати.

Кто же поднял это восстание? ⁶ Акрополит говорит исключительно о Болгарии, о болгарском племени. Хониат называет мятежников мисийцами или влахами (о вос-стании влахов идет речь не только в «Истории» Хониата, но и в его речах, произне-сенных по поводу военных действий Исаака II). Влахами именуют восставших также латинские историки. Расхождение в данных источников послужило основанием для дебатов о происхождении вождей восстания и об этнической природе восставших. По всей видимости, в восстании принимали участие оба народа. Евстафий Солунский заявляет, что болгары и влахи совершили дерзновеннейшее нападение на империю и дошли почти до стен Константинополя ⁷. Позднейшие писатели внесли изменение и в соответствующее место «Истории» Хониата, посвященное началу восстания. На-пример, Феодор Скутариот, почти дословно копирующий рассказ Хониата, тем не менее говорит об обитателях Гемских гор, которые прежде назывались мисийцами, а теперь влахами и болгарами. И анонимный хронист, известный под именем Ге-оргия Кодина, точно так же писал о восстании влахов и болгар против христиан-ромеев ⁸.

Почему же Хониат, современник событий, осведомленный и наблюдательный пи-сатель, допускает такое смешение народов? Чтобы понять это, следует помнить, на-сколько безразличными к этнической номенклатуре были средневековые авторы во-обще; они не только именовали многие современные им народы античными племен-ными названиями, но и распоряжались используемыми этнонимами совершенно про-извольно: византийцы величали «скифами» и болгар, и печенегов, и монголов; турок называли персами, а венграм присвоили имя турок. Напротив, один и тот же народ мог выступать под разными наименованиями: венгров называли не только турками, но также гепидами и пэонами. Смешение же влахов и болгар казалось тем более естественным, что оба народа уже в XII в. жили вперемешку друг с другом, причем влахи носили нередко славянские имена, и многие из них знали славянский язык. Впрочем, Хониат оказывается непосредственным: кое-где в его «Истории» про-скальзывают фразы об участии в восстании и болгар, и влахов.

Ни Хониат, ни Акрополит не датируют начало восстания. В научной литературе по этому поводу сложились две точки зрения: это событие относят то к 1185, то к 1186 годам. Попробуем, насколько это возможно, разобраться в создавшейся разно-голосице. Бесспорным можно считать, что болгаро-валашское восстание началось после переворота Исаака II Ангела, совершенного в сентябре 1185 года. Необходимо выяснить, как скоро после этого переворота произошло восстание. Из приведенных рассказов Хониата и Акрополита следует, что восстанию предшествовали переговоры о браке Исаака II с дочерью венгерского короля и установление чрезвычайных побо-ров. Когда именно была отпразднована помолвка Исаака и Маргариты, неизвестно, но зато совершенно не вызывает сомнений, что в средние века передвижения людей совершались медленно, медленно шла почта и поездки послов являлись неспешными. Обмен посольствами должен был занять немалое время. Кроме того, Андроник I оста-вил своему преемнику тяжелое наследие — войну с норманнами, которые успели занять Солунь и двигались к Константинополю. До того момента, как византийцы лик-видировали норманнскую опасность, посольство к венгерскому королю Беле III вряд ли могло иметь место, а победа над норманнами была одержана только 7 ноября 1185 года. Таким образом, вполне вероятно, что помолвка с Маргаритой состоялась

⁶ Разбор этого вопроса см.: Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М. 1960, стр. 431—437; ср.: Б. Примов. Създаването на втората българска държава и участието на власите. «Българо-румънски връзки и отношения през вековете. Изсле-дование». Т. I. София. 1965.

⁷ Eustathius Thessalonicensis. Opuscula. Francofurti a. M. 1932, p. 44.

⁸ См. В. Н. Златарски. История на Българската държава през средните ве-кове. Т. II. София. 1934, стр. 416 сл.

лишь в конце 1185 или даже в 1186 году. В таком случае восстание в Болгарии должно было начаться не ранее 1186 года.

«Вполне вероятно»... Но ведь это не доказательство! Нельзя ли попытаться все-таки уточнить ход событий? Давно уже обращено внимание на то, что в самом начале болгаро-валахского восстания произошел мятеж византийского полководца Алексея Врана, посланного против восставших. Мы еще вернемся к нему, чтобы понять, какое влияние это событие оказало на судьбы восстания в Болгарии, а сейчас задержимся только на том, что касается датировки. В рассказе Хониата о мятеже Врана отмечаются два момента, которые могут оказаться «датирующими»: во-первых, во время мятежа произошло солнечное затмение; во-вторых, мятеж был разгромлен наемными войсками под командованием Конрада Монферратского. Солнечных затмений было в 1186 г. два: одно 22 марта, затем другое 21 апреля. Если мятеж Врана совпал с тем или другим, конечно, нужно было бы признать справедливость более ранней датировки начала восстания, ибо к моменту мятежа Врана военные действия в Болгарии были в разгаре. Но все дело в том, что солнечные затмения случались и в следующем, 1187 году, а если с мятежом Врана совпало одно из этих затмений, поздняя датировка оказывается более вероятной.

В отличие от солнечного затмения пребывание в Константинополе Конрада, сына маркиза Монферратского, одного из крупнейших полководцев того времени, может быть датировано с большей точностью. В июле 1187 г. Конрад, оставив Константинополь, прибыл в Тир на помощь осажденным в городе крестоносцам. Эта дата может служить обоснованием поздней датировки, поскольку Конрад уехал из Константинополя сразу же после расправы с мятежными войсками Врана. И все же какие-то сомнения для окончательного решения оставались. Сравнительно недавно Я. Л. ван Дитен показал, что еще в марте 1187 г. Конрад находился при дворе германского императора. Следовательно, подавленный им бунт Врана мог иметь место в апреле 1187 г. или даже несколько позднее, но никак не весной 1186 года⁹. Впрочем, такая датировка не ликвидирует всех трудностей. Снова возникает вопрос о солнечном затмении. Ближайшее из них по времени к пребыванию Конрада в Константинополе случилось 4 сентября 1187 г., но в это время Конрад, по единодушному суждению хронистов, уже находился в Тире. Остается только допустить, что Хониат, который вообще довольно свободно обращался с хронологией, передвинул затмение к несколько более раннему моменту, достигнув тем самым нагнетания драматичности в красочном описании мятежа Врана и расправы с ним.

Итак, наиболее вероятной датой начала восстания следует считать 1186 год. Влахи, писал Хониат, поначалу медлили и не решались на восстание, к которому призывали их Петр и Асень. Тогда братья воздвигли храм в честь св. Димитрия, и там юродивые стали побуждать народ к выступлению, возглашая, что «освобождение племени болгар и влахов» (здесь Хониат сам говорит о двух народах) угодно господу и что ради этого великомученик Димитрий оставил Солунь, покровителем которой его считали, и переселился в Болгарию. Призывы пали на хорошо подготовленную почву. Восстание вспыхнуло и очень быстро охватило всю Болгарию. Согласно Хониату, против восставших было послано войско под командованием Иоанна Дуки, дяди императора, носившего один из высших в Византии титулов — севастократора. Сперва оно действовало успешно. Но неожиданно севастократор был отстранен от командования (его заподозрили в подготовке переворота) и заменен кесарем Иоанном Кантакузином, женатым на сестре Исаака II. То был опытный в военном деле человек, отличавшийся громким голосом. Андроник I ослепил его и бросил в тюрьму. Слепой полководец был к тому же увлекающимся человеком. Он отказался от осторожной тактики Иоанна Дуки и, полагая, что болгары и вlahи скрываются в горах из трусости, не забываясь об охране своего лагеря. Ночью восставшие напали на византийские палатки, началась резня. Кесарь, не поддавшись панике, сел на коня, взял в руки копьё и с криком «За мной!» двинулся в битву, но он не видел, где свои и где противник. Бой был проигран, ромеям пришлось спасаться бегством. Кан-

⁹ О датировке начальных событий восстания см.: J.-L. van Diefen. Niketas Choniates. Erläuterungen zu den Reden und Briefen nebst einer Biographie. В.—N. Y. 1971, S. 66—78.

такузина отрешили от должности, а его палатка и многоцветное кесарское одеяние достались Петру и Асеню¹⁰.

После поражения Кантакузина командование посланными против болгар войсками было передано Алексею Врану, который с большой осторожностью продвинулся в глубь охваченной восстанием территории и около Черного холма, в долине реки Тунджи, поставил хорошо укрепленный лагерь. Сюда он стягивал войска, готовясь, по-видимому, к серьезному сражению против Петра и Асеня. Но в этот момент (весной или летом 1187 г.) сработало специфически византийское обстоятельство: вместо того чтобы продолжать военные действия против болгар и владов, Вран обул красные сапоги, знак императорского достоинства, и провозгласил себя василевсом ромеев. За попытку переворота он поплатился головой, а восставшая Болгария получила возможность закрепить первые успехи. Показательно, что после разгрома мятежа Врана некоторые из его сторонников бежали к Асеню и Петру¹¹.

После подавления мятежа Врана (скорее всего в конце лета 1187 г.) против болгар и владов направилось большое войско, возглавленное самим императором. Петр и Асень укрепили горные проходы. Ромеи, планомерно вырубая и выжигая леса, преодолевали упорное сопротивление восставших. Наконец, византийскому войску удалось зайти в тыл болгарам и навязать им сражение. В ходе его одних болгар ромеи перебили, других взяли в плен, третьих принудили к бегству. Петр и Асень, по словам Хониата, скрылись за Дунаем, найдя приют у половцев. Однако закрепить успех византийской армии не удалось. Хониат винит в этом Исаака II, который почему-то не разместил гарнизоны в горных крепостях Болгарии, а ограничился тем, что сжег скирды хлеба (лишнее подтверждение того, что поход происходил в конце лета, после уборки урожая). Император настолько доверился владхам, утверждает Хониат, что удалился, не взяв заложников¹². За свою беззаботность византийское командование быстро поплатилось. Едва византийцы покинули Болгарию, восстание вспыхнуло с новой силой. На помощь повстанцам пришли половцы — конные лучники.

В одной из речей Хониата, произнесенных в это время, упоминаются и другие союзники болгар и владов, а именно воинственные племена из Вордоны, составлявшие ветвь тавроскифов. Для Я. Л. ван Дитена, издателя и комментатора речей Хониата, равно как и для Ф. Граблера, их немецкого переводчика, тавроскифы из Вордоны остаются загадочными. Однако еще почти 100 лет назад Ф. И. Успенский предложил любопытное объяснение этого пассажа¹³. Как известно, тавроскифами византийцы называли русских. Греческое наименование Вордона, по остроумной догадке Ф. И. Успенского, соответствует славянскому названию Брод (в средневековом греческом различие звуков «б» и «в» не ощущалось), так что тавроскифы из Вордоны — это скорее всего бродники, русское население низовьев Дуная. Таково (к сожалению, очень скупое) свидетельство об участии русских в освободительной борьбе болгар и владов в конце XII века.

Получив подкрепления, восставшие перешли в наступление. По словам Хониата, они подходили даже к Агафополю, городу на Черноморском побережье. Болгаро-половецкий натиск заставил Исаака II вновь двинуться на Балканы. Это произошло в начале октября 1187 года. Часть войск была отправлена для охраны побережья, другая же, под командованием императора, продвигалась к Веррое (Боруй). Близ крепости Лардея Исаак II напал на 6-тысячный половецкий отряд. Сперва византийцам удалось потеснить степняков, затем половцы неожиданно остановились, стали рубить врага, многих пленили. Но в этот момент подошла свежая фаланга, возглавленная Исааком II, и обратила противника в бегство.

¹⁰ О начальном этапе болгаро-византийской войны см.: И. Дуйчев. Въстанието в 1185 г. и неговата хронология. «Известия на Институт за българската история», 1956, № 6, стр. 345 сл.; Г. Г. Литаврин. Указ. соч., стр. 443—446.

¹¹ О мятеже Врана см.: М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 г. «Византийский временник». Т. 12. 1957, стр. 69—72.

¹² Nicetas Choniates. Op. cit., p. 515.

¹³ Nicetas Choniates. Orationes et epistulae. Berolini et Novi Eboraci. 1972, p. 93; ср. F. Grabler. Kaisertaten und Menschenschicksale im Spiegel der schönen Rede. Graz — Wien — Köln. 1966, S. 162; Ф. И. Успенский. Образование Второго Болгарского царства. Одесса. 1879. Приложение V, стр. 35—36.

В официальном послании императора патриарху и синоду, сочиненном императорским секретарем Хониатом по горячим следам событий, сражение при Лардее представлено блестящей победой. Много лет спустя, когда Хониат писал свою «Историю», он эти события изобразил по-иному: сражение было тяжким, стоило многих жертв и заставило императора возвратиться в Адрианополь¹⁴. Некоторое время спустя Исаак II двинулся через Филиппополь в Сердику, намереваясь помешать распространению восстания на запад, но наступала зима, и продолжать операции в горной стране становилось невозможным. Военные действия возобновились весной следующего года, однако велись они вяло. Осада крепости Ловеч затянулась на 3 месяца, да и результаты ее оказались ничтожными: византийцам удалось захватить жену Асеня и получить в качестве заложника младшего брата вождей восстания — Иоанна (Ивана). Хотя Хониат не говорит об этом прямо, но вполне возможно, что после бесплодной осады Ловеча Исаак II заключил с восставшими договор; во всяком случае, военные действия на какой-то срок прекратились¹⁵.

Тем временем положение византийского правительства становилось все более сложным. Опасности грозили ему со всех сторон. Малая Азия была охвачена мятежами, которые поддерживались сельджуками. Сербский великий жупан Стефан Неманя теснил Византию на северо-западе. Но особенно большие затруднения создались в результате III крестового похода, начавшегося летом 1189 года. Войска германского императора Фридриха Барбароссы двигались через балканские владения империи, и правительство Исаака II не могло решиться, то ли ему содействовать походу крестоносцев, снабжая их фуражом и провиантом, то ли задержать их продвижение. Открытой войны с Барбароссой Исаак II избегал, а вместе с тем столкновения ромеев с немецкими отрядами вспыхивали постоянно.

К этому же времени относится еще одно свидетельство о положении дел в восставшей Болгарии. Хотя оно весьма кратко, интерес к нему определен тем, что принадлежит это свидетельство не византийцу и поэтому свободно от предвзятости византийских симпатий и антипатий. Анонимный историк похода Фридриха псевдо-Ансберт утверждает, что в руках восставших находилась в 1189 г. большая часть Болгарии, простиравшаяся до Дуная. Над влахами, говорит псевдо-Ансберт, властвовали в ту пору Калопетр («Добрый Петр»; его псевдо-Ансберт тоже именуется влахом) и его брат Асаний (Асень). Калопетра немецкий хронист называет не только господином влахов и большей части болгар, но даже императором Греции¹⁶. Стефан Неманя поддерживал Фридриха. И Калопетр тоже отправил послов к Фридриху, обещая ему помощь против византийцев. На каком-то этапе сербо-болгаро-германский союз против Византии казался вполне реальным, и может быть, именно это обстоятельство заставило Исаака II стать более уступчивым. Да и Фридрих не решился на открытую поддержку сербского и болгарского движения и предпочел не порывать окончательно с Византией. В феврале 1190 г. в Адрианополе был подписан германо-византийский договор, обеспечивший Фридриха кораблями для переправы в Малую Азию. В марте немецкие войска стали переправляться через море. Тем самым у Исаака II были развязаны руки, и он смог возобновить борьбу на Балканах.

Еще до отплытия крестоносцев византийцы пытались организовать поход против болгар, влахов и половцев. Во главе большого войска в начале 1190 г. выступил Константин Аспиет, но его армию не снабжали провиантом, и византийским воинам приходилось сражаться с неприятелем, испытывая голод. Константин пытался найти поддержку у немцев, ссылаясь на договор от февраля 1190 г., но и Калопетр в то же время умолял Фридриха о помощи. Настоятельные просьбы Аспиета о присылке припасов вызвали только гнев Исаака II: полководец был смещен и ослеплен¹⁷. Весной 1190 г. Исаак II снова двинулся в поход на болгар. Он вторгся в глубь страны, осадил Тырново, и лишь страх перед возвращением половцев и отсутствие денег в казне заставили его отступить. На обратном пути неподалеку от Веррой византийское

¹⁴ Г. Г. Литаврин. Указ. соч., стр. 459—461.

¹⁵ В. Н. Златарски. Указ. соч., стр. 467—483. В. Н. Златарский относит к этому времени (к 1187 г.) и коронацию Асеня, о чем прямых свидетельств нет.

¹⁶ A. Chroust. Quellen zur Geschichte des Kreuzzuges Kaiser Friedrichs I. В. 1929, S. 33, 58, 69.

¹⁷ Nicetas Choniates. Historia, p. 560.

войско попало в засаду. Как только ромеи вошли в узкую теснину, болгары сверху стали обстреливать противника из луков, рассчитывая расчленив армию ромеев и захватить в плен императора. И хотя ни того, ни другого сделать им не удалось, византийцы понесли огромный урон, в том числе и моральный. Поражение при Веррое, по сути дела, было первым настоящим разгромом ромеев болгаро-валашскими повстанцами. Восставшие переходили от обороны к наступлению. Но силы византийцев еще не были сломлены. Осенью 1190 г. или в 1191 г. Исаак II вторгся в Сербию и одержал победу над Неманей, поставив затем наместником Филиппополя своего племянника Константина Ангела, энергичного полководца, которому удалось отеснить болгар в горы и сковать их действия. Однако пагубное стремление этого военачальника овладеть престолом едва не погубило все дело: Константин, рассчитывая на поддержку войска, объявил себя царем, но вскоре был схвачен своими же людьми и отвезен в столицу. Его лишили зрения, остальные участники бунта были прощены. Расправа с Константином вызвала ликование в Болгарии, ибо там опасались, как бы планомерные действия наместника Филиппополя не привели к разгрому восстания¹⁸.

По-видимому, вскоре после этого в лагере восставших возникли какие-то трения, приведшие к разрыву между Петром и Асенем. То было одним из самых существенных событий в истории борьбы за освобождение Болгарии, поскольку оно, казалось бы, приоткрывает внутренние движения в болгарско-валашском лагере, и вместе с тем одним из самых загадочных из-за скудости и туманности сохранившихся о нем свидетельств. Хониат и Акрополит молчат о разрыве между братьями. Намеки на такое положение дел в лагере восставших сохранились лишь в речах официальных византийских ораторов. В речи, произнесенной Сергием Коливой и обращенной к Исааку II, говорится, помимо всего прочего, о восстании не названных по имени братьев, один из которых в конце концов признал власть императора и, более того, стал «каменем преткновения» для своего мятежного брата. Так как по-гречески камень — «петра», выражение «камень преткновения» по нормам византийской риторики раскрывает имя подчинившегося мятежника. То был Петр. Другой оратор, Георгий Торник, перечисляя успехи Исаака II, также говорит о раскаянии Петра, который, как полагает оратор, еще поведает своим братьям о царском сострадании и убедит Асеня «идти прямым путем».

Суть описанных Коливой и Торником событий будто бы не вызывает сомнений: Петр отказался от продолжения борьбы и признал власть императора. Был ли он вынужден к тому военным нажимом или поддался царским посулам, были ли его действия искренними или притворными — об этом судить невозможно, ибо слишком бедны и риторичны намеки византийских придворных. Важно, однако, выяснить, когда произошел разрыв между вождями болгаро-валашского восстания. Ни та, ни другая речь не датированы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что историки относят речи Коливы и Торника (и соответственно разрыв Петра и Асеня) то к самому началу освободительной борьбы (около 1186 г.)¹⁹, то к более позднему времени. Впрочем, ранняя дата маловероятна уже потому, что она противоречит свидетельству псевдо-Ансберта, согласно которому Петр стоял во главе движения еще в 1189 году. К тому же в речи Торника можно усмотреть намеки на события, происшедшие уже в начале 90-х годов. Но самое главное, Торник заявляет (правда, в очень причудливой форме), что с начала правления Исаака II (с сентября 1185 г.) прошло уже 7,5 или даже 8 лет. Итак, речи Коливы и Торника были произнесены, скорее всего, в 1193 году²⁰. Видимо, незадолго до этого времени Петр по неясным для нас причинам подчинился византийской власти. То был, несомненно, крупный успех имперской дипломатии.

Именно после капитуляции Петра Асень стал во главе восставших. Его действия были удачными. В 1194 г. болгары вторглись во Фракию и близ Аркадиополя обратили в бегство Алексея Гида, командовавшего восточными полками византийской армии. Исаак II тем не менее не сложил оружия и готовился продолжать борьбу. Он

¹⁸ В. Н. Златарски. Указ. соч. Т. III. София. 1940, стр. 78 сл.

¹⁹ И. Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие. София. 1945, стр. 52—81.

²⁰ А. Каждан. La date de la rupture entre Pierre et Asen (vers 1193). «Byzantion». 1965, t. 35, pp. 167—174; J.-L. van Dieten. Das genaue Datum der Rede des Georgios Tornikes an Isaak II Angelos. «Byzantinische Forschungen», 1968 (1971), Bd. 3, S. 114—116.

заключил союз с Венгрией, рассчитывая ударить по восставшим с двух сторон. Весной 1195 г. у Кипсел было собрано большое войско, которое возглавлял сам император. События, казалось, вступают в решительную фазу. И в этот момент грандиозный план Исаака II рухнул. Воспользовавшись отсутствием императора, беззаботно направившегося на охоту, заговорщики-аристократы заняли царскую палату и провозгласили василевсом брата Исаака, Алексея Ангела. Низложенный император пытался бежать, но был настигнут, ослеплен, отвезен в Константинополь и брошен в темницу²¹. После переворота новому царю Алексею III (1195—1203 гг.) было не до военных действий с Болгарией. Он поспешил в Константинополь, чтобы личным присутствием и щедрыми раздачами упрочить свое положение на троне. Одновременно он послал к Асеню послов с предложением мира. Однако условия, выдвинутые болгарам, оказались ромеям неприемлемыми. Война продолжалась.

Асеню удалось занять Сердику и дойти до крепости Серры, вблизи которой болгары нанесли сокрушительное поражение византийским войскам, а полководца Алексея Аспиета взяли в плен. В это время из Сердики были торжественно вывезены мощи болгарского святого Ивана Рильского и перенесены в столицу Асеня Тырново. Ставя себя под покровительство не грека, каким был Димитрий Солунский, а болгарского святого, Асень как бы подчеркивал независимость и самостоятельность возрожденного государства. 1196 г. принес новый успех болгарам, расширившим свое наступление в долине реки Струма. Севастократор Исаак Комнин, командовавший византийскими войсками, возгордившись после первых случайных удач, действовал необдуманно, и Асеню удалось завлечь его войско в засаду. Византийцы опять были разбиты, а сам полководец взят в плен. Но в этот момент, когда Асень достиг наивысших успехов, произошло событие, которое могло поставить под угрозу все дело болгарского освобождения: в 1196 г. Асень был убит.

Свидетельства византийских источников здесь опять не удовлетворяют нас. В лучшем случае мы улавливаем внешние факты. О причинной связи событий внутри болгаро-валашского лагеря можно строить только догадки. Из краткого рассказа Акрополита известно лишь, что Асень, который царствовал над болгарам 9 лет, был убит племянником Иванком; убийца бежал, а царем стал брат Асеня Иван. Акрополит подчеркивает, что болгары не желали видеть на престоле Петра²². Историк не объясняет, почему возникла такая антипатия к одному из братьев. Но только что рассмотренные речи Коливы и Торника раскрывают ее причину: попытка сговора Петра с византийцами скомпрометировала его, и хотя, видимо, в дальнейшем он порвал с ромеями, недоверие к нему долгое время не могло исчезнуть.

Хониат повествует об акции Иванка несколько подробнее. Он начинает с драматического предсказания скорой кончины Асеня, которое будто бы дал некий священник, попавший в плен к болгарам и знавший их язык: он сулил Асеню смерть, какую обычно приемлют люди, поднимающие меч на других людей. Предсказание священника, замечает Хониат, сбылось полностью. Был некто Иванко, продолжает этот писатель, человек, весьма сходный с самим Асением и пользовавшийся его благосклонностью. Он находился в тайной связи с сестрой жены болгарского царя. Когда Асеню донесли об этой связи, он пришел в бешенство и решил расправиться с Иванком. Царь немедленно потребовал к себе своего недавнего любимца. Иванко попросил отсрочки, а тем временем созвал своих сородичей. Они стали держать совет и решили, что все-таки он должен явиться к царю, взяв, однако, с собой меч и спрятав его под одеждой. Если Асень смягчится, то пусть Иванко примет наказание. Но коль скоро царь по-прежнему будет грозить ему казнью, Иванку следует вынуть меч и поступить так, как подобает мужчине. В ходе ожесточенной перебранки Иванко неожиданно обнажил оружие и покончил с Асением. Затем он попытался поднять восстание и овладел Тырновом, но натолкнулся на сопротивление болгар и решил искать помощи у ромеев²³.

Трудно сказать, какие внутренние причины побудили Иванка к выступлению. Может быть, он с самого начала был связан с византийцами. Во всяком случае, сов-

²¹ G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München. 1963, S. 338.

²² Georgios Acropolites. Op. cit., p. 20 sq.

²³ Nicetas Choniates. Historia, pp. 617—620.

ременники утверждали, что к убийству склонил его севастократор Исаак, находившийся тогда в болгарском плену. Впрочем, Хониат замечает, что Исаак умер в окопах еще до возмущения Иванка. Может быть, убийца Асеня выражал интересы какой-то аристократической клики (возглавляемой Петром или кем-то другим), недовольной самовластным правлением Асеня. Нельзя сбрасывать со счетов и свидетельство о родственниках Иванка, собиравшихся на совет, и о его обещаниях править «Мисией» не так, как это делал Асень, а справедливо и по обычаям народа. Иногда в этом выступлении усматривают болгарскую реакцию против валашского или половецкого засилья, но источники не дают для того никаких оснований²⁴. Как бы там ни было, убийство Асеня могло пойти на пользу византийцам, если бы только империя оказалась в состоянии воспользоваться благоприятно сложившейся ситуацией. Но Алексей III ее не использовал. Войско, посланное на помощь Иванку, не желало сражаться с болгарями и потребовало от командующего Мануила Камица, занимавшего высокую должность протостратора, вернуться назад. Бунт перешел в беспорядочное бегство. Не лучшие результаты принесла и вторая византийская экспедиция к Тырнову. Лишенный эффективной помощи, Иванко в конце концов тайно оставил Тырново и бежал к императору ромеев. Тогда жители Тырнова отворили ворота города ипустили туда Петра, которому была возвращена власть, а высшее военное командование стал осуществлять третий брат, Иван. Так рассказывает Хониат, несколько расходясь с версией Акрополита, согласно которой болгары не желали вручать власть Петру. Впрочем, и, по Хониату, Петр правил недолго и вскоре погиб от руки наемного убийцы. В 1197 г. царем Болгарии был провозглашен Иван, известный под именем Калояна, то есть «Доброго Иоанна».

Гибель Асеня и Петра ослабила болгарский натиск. К тому же в лице Иванка у Византии появился энергичный защитник ее северо-западных рубежей. Император осыпал его милостями и хотел женить на своей внучке, дочери севастократора Исаака, погибшего в болгарском плену. Впрочем, Иванко предпочитал ее мать, царскую дочь Анну. «К чему мне агница, которую еще надо кормить молоком,— говорил он, пользуясь образами, привычными для скотовода.— Мне нужна взрослая овца или зрелая коза»²⁵. Неясно, на ком он женился, но он считался царским зятем и был наместником Филиппополя. Иванко широко привлекал к себе на службу соплеменников, пользовался независимостью и довольно успешно отражал акции Калояна²⁶. Однако в начале 1198 г. он отложился от Византии и основал собственное княжение. Калоян тут же признал независимость Иванка. Византийскому правительству пришлось отказаться от грандиозного похода против Калояна, который Алексей III планировал при активном участии Иванка, и прежде всего послать войска против самого Иванка. Война с ним шла с переменным успехом: если византийские полководцы принудили к сдаче несколько крепостей, то Иванку, в свою очередь, удалось взять в плен протостратора Мануила Камица. После этой неудачи византийцы отказались от наступательных действий и держались близ Филиппополя, защищая город от набегов Иванка, а тот постепенно расширял свои владения, захватывая новые и новые земли вплоть до моря.

Наряду с самостоятельным княжением Иванка в 1196 г. возникло другое независимое болгарское княжение, основанное Добромиром Хрисом в районе Струмицы. Хрис тоже был сподвижником Петра и Асеня, но после гибели Асеня провозгласил себя независимым правителем. Как и Иванко, он искал на первых порах поддержку Византии, а в дальнейшем склонился на сторону Калояна. Ему удалось занять важную крепость Просек, расположенную на скале над рекой Вардар. Византийские экспедиции против Хриса не имели успеха. По-видимому, в 1198 г. или в 1199 г. Алексей III заключил с правителем Просека мирный договор, скрепленный брачным союзом Хриса с дочерью протостратора Мануила Камица. Однако мирные отношения продолжались недолго. Сохранились речи Хониата, прославляющие Алексея III за успешные действия против Иванка и Добромира Хриса²⁷. Эти события приходится примерно на

²⁴ В. Н. Златарски. Указ. соч., т. III, стр. 92—101.

²⁵ Nicetas Choniates. Historia, p. 623.

²⁶ Ibid., p. 675 sq.

²⁷ J.-L. van Dieten. Niketas Choniates, S. 96—102, 130—135.

1200—1202 годы. Военные удачи Алексея III были, по-видимому, довольно скромными, что не удивительно. Византия, истощенная фискальными поборами, ослабленная непрерывными мятежами и узурпациями, просто не имела сил посылать войска в район Тырнова или Сердики. Она была способна только на борьбу с полунезависимыми правителями, подобными Иванку и Хрису.

Не имея возможности добиться победы на поле боя, Алексей III все чаще обращался к дипломатическим средствам, а то и к прямому обману. Так, после долгих уговоров он заманил к себе Иванку и, несмотря на клятвенное обещание безопасности, приказал заковать его в оковы. Дальнейшая судьба Иванка неизвестна, а его земли были заняты ромейскими войсками. Против Калояна Алексей III нашел союзника в лице галицкого князя Романа Мстиславича. Половцы, которым болгаро-византийская война развязала руки и которые в 90-е годы XII в. регулярно вторгались на территорию империи, угрожали в то же время и южнорусским землям. Роман Мстиславич был вынужден постоянно бороться с половецким нашествием, и эта угроза делала его естественным союзником Византии. По сообщению Хониата, в начале XIII в. (в 1201 или 1202 г.) половцы дошли чуть ли не до ворот Константинополя, и только удар Романа по их тылам заставил кочевников поспешно откатиться назад²⁸. Калоян же продолжал натиск на Византию. На юго-западе он занял крепость Константию, расположенную в Родопах. На востоке осадил приморскую крепость Варну и, используя осадные механизмы, в три дня овладел городом. По-видимому, в 1202 г. болгары подписали с Византией мирный договор, условия которого нам неизвестны. Надо полагать, Византия признавала независимость Болгарии, но в то же время не соглашалась считать ее правителя царем. Тем не менее Болгария пошла на такие условия, поскольку она стояла в этот момент перед угрозой войны с венграми: венгерский король Имре (сын Белы III) претендовал на западные земли Болгарии. Правда, усобицы в Венгрии не позволили Имре осуществить его замыслы, но Калояну приходилось считаться с возникшей опасностью.

Тем временем на Балканах произошли существенные перемены. В 1202 г. начался IV крестовый поход. Летом 1203 г. латинские войска стояли уже под стенами византийской столицы. Калоян вел в то время переписку с папой Иннокентием III, рассчитывая на поддержку папской курии в своем стремлении получить корону²⁹. От переговоров с Константинополем он отказался, выжидая, чем кончится крестоносная экспансия. Дальнейшие события показали, что осторожность Калояна полностью оправдалась. Алексей III, захватив казну, 17 июля 1203 г. поспешно бежал из столицы, а 13 апреля 1204 г. город был уже в руках французов, немцев и венецианцев. На месте империи ромеев возникла Латинская империя. В этих условиях Калояну надо было определить свою политическую линию, которая в очень большой степени зависела от позиции Латинской империи. Латинские феодалы восприняли не только внешние формы византийской монархии, ее титулатуру и налоговую систему, но и традиционный универсализм византийской дипломатии. Как и их предшественники, они рассматривали свою империю в качестве единственного суверена (во всяком случае, в восточной части европейского мира) и не желали признавать Болгарского и Сербского государств суверенными. Так сами латиняне толкали болгар на заключение союза с греками.

Об отношении находившегося некоторое время в Солуни Алексея III к болгарам надежных сведений нет. Только латинский хронист Балдуин Константинопольский замечает, что Алексей с 5 тыс. воинов бежал к «королю влахов» Иоанну (Калояну). Однако это сообщение малодостоверно. Тем не менее если не сам Алексей III, то другие деятели распавшейся Византийской империи искали контактов с Болгарией. По-видимому, к этому времени относятся переговоры, о которых 15 лет спустя упоминал охридский архиепископ Димитрий Хоматиан в письме Василию Педиадиту, митрополиту Керкиры: константинопольский патриарх договаривался с царем болгар об автономии болгарской церкви. В октябре или в начале ноября 1204 г. Алексей III попал в плен

²⁸ Г. Г. Литаврин. Русь и Византия в XII веке. «Вопросы истории», 1972, № 7, стр. 47 сл.

²⁹ G. Prinzing. Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens in den Jahren 1204—1219. München. 1972. S. 5—7.

к крестоносцам. После этого оставшаяся без вождя группа византийских аристократов (многие среди них происходили из Фракии) обратилась в конце 1204 г. за поддержкой к Калояну³⁰. Опираясь на союз с частью фракийской знати, Калоян решил в 1205 г. начать войну против латинян. Идеологическим оправданием войны, как писал Калоян папе Иннокентию III, были традиционные притязания предков болгарского царя на византийский престол, закрепленные тем фактом, что Калоян получил от папы королевскую корону.

Начало войне было положено восстанием фракийских городов против латинского господства в феврале 1205 года. В конце марта 1205 г. около Адрианополя произошло решающее сражение между греко-болгаро-валашско-половецкой армией Калояна и крестоносными войсками³¹. Битва началась нападением половецких конников на латинский лагерь. Тяжело вооруженные рыцари устремились на них, а половцы, как это они обычно делали, повернули коней и, изредка отстреливаясь из луков, поскакали вспять. Увлеченные преследованием, крестоносцы удалились от своих позиций и попали в незнакомую местность, где за лесистыми холмами и в горных ущельях Калоян скрыл основные силы своего войска. Кони крестоносцев уже устали: сказывался вес рыцарских доспехов. Дорога становилась все уже. Внезапно половцы остановились и приняли ближний бой, от которого уходили до этого выгодного им момента. В гористой местности тяжелая кавалерия латинян не могла развернуться и организовать сопротивление. Войны Калояна намного превосходили численностью крестоносцев. В ход пошли, по словам Хониата, оставившего описание Адрианопольской битвы, серпы и арканы, с помощью которых рыцарей сбрасывали с седла. Цвет латинского воинства погиб в сражении или оказался в плену. Битва под Адрианополем коренным образом изменила соотношение сил на Балканах. Латинская империя должна была от наступления перейти к обороне.

События 1186—1205 гг. привели к восстановлению независимости Болгарского государства. Папская курия официально признала его королевством. Латинская империя и возникшие на обломках Византии греческие государства в конце концов были вынуждены смириться с его независимостью. Возрожденная в результате долгой и упорной борьбы с Византией, а после Адрианопольской битвы уже претендовавшая на первое место среди балканских государств, Болгария (Второе Болгарское царство) просуществовала затем вплоть до османского завоевания в конце XIV века.

³⁰ Ibid., S. 8 f.

³¹ A. Kratonelle. Ne kata ton Latinon helleno-bulgarike sympraxis en Thrake. 1204—1206. Athenai. 1964, pp. 71—75.